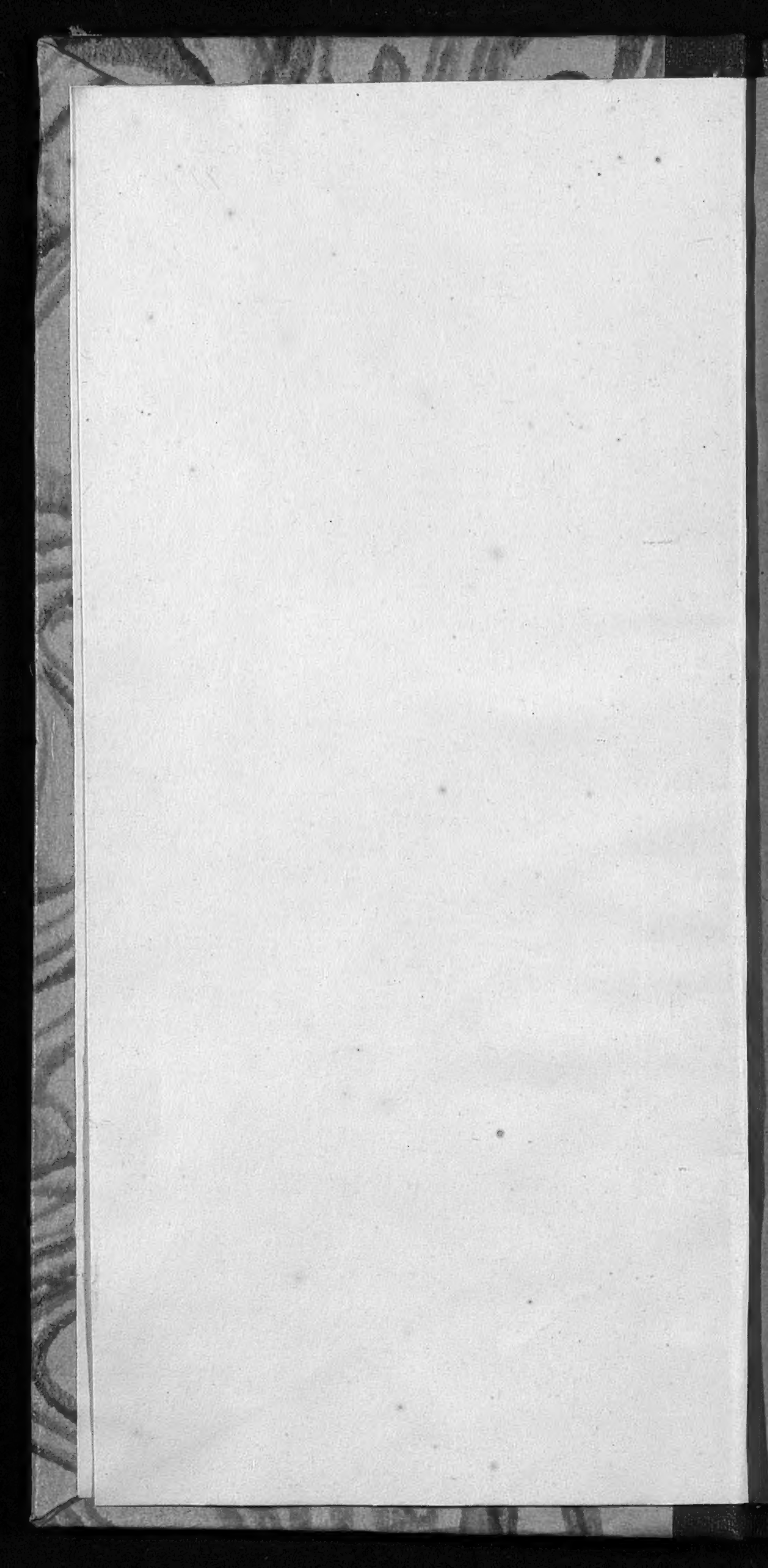

Леонидъ Андреевъ.

ГИБЕЛЬ.

(Что ждетъ Россію).

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЛЯ“
МОСКВА, Б. Дмитровка, 26.

«Россія стоитъ на краю гибели».

Изъ думской рѣчи министра Гучкова.

Наше отечество въ опасности—такъ уже давно заявило Временное Правительство въ одномъ изъ своихъ воззваній. Вѣрно ли это? Или эти страшныя, но уже привычныя слова есть только запугиванiе, какъ думаютъ многiе? Такъ вѣдь и врачъ нерѣдко запугиваетъ больного, дабы побудить его лѣчиться, а самъ прекрасно знаетъ, что дѣло вовсе не такъ плохо. И это вовсе не значитъ, что врачъ дурной человѣкъ, шарлатанъ,—нѣтъ, это просто одинъ изъ прiемовъ психологическаго воздѣйствiя; и это вовсе не значитъ, что Правительство наше, если оно обманываетъ про опасность, руководится дурными побужденiями: нѣтъ, оно также можетъ хотѣть только добра для больной родины и въ преувеличенiи опасности ищетъ источника врачующей энергiи. Но разница, во всякомъ случаѣ, чрезвычно велика; и если докторъ мнѣ серьезно скажетъ, что мой любимый сынъ боленъ опасно, что жизнь его „въ опасности", я брошу все, чтобы остаться у его постели, отдамъ все вниманiе и силы, чтобы вырвать его изъ темной пасти. И иначе я поступлю, если за дверью, съ улыбкой, докторъ шепнетъ мнѣ, что на самомъ дѣлѣ ничего страшнаго нѣтъ, а это такъ, чтобы мальчикъ глоталъ горькое лѣкарство.

Такъ какъ же на самомъ дѣлѣ: въ опасности наше отечество, Россiя, или нѣтъ?

Сейчасъ время словъ прямыхъ, отвѣтственныхъ и ясныхъ. Уклончивое молчаніе, двусмысленныя рѣчи, острая и прямая политическая болтовня, за которой не стоятъ чувства отвѣтственности и долга,—преступленіе передъ народомъ и безсмыслица. Не нужно, наконецъ, и обманчивыхъ утѣшеній, сглаживаніе острыхъ угловъ, наивнаго подбадриванія, которое въ извѣстныя эпохи равняется прямой лжи и опять таки преступленію передъ народомъ. Да и отъ кого таиться? Мы одни съ нашей судьбой, какъ одинъ всякій человѣкъ передъ смертью и рокомъ. И какъ можно лгать и улыбаться, подбадривать, когда хлыщетъ кровь изъ перерѣзанныхъ артерій, когда земля на аршины пропиталась кровью, когда съ каждою минутою блѣднѣетъ истекающій кровью, когда воистину священна каждая минута, какъ послѣдній грошъ бѣдняка!

Настала пора говорить прямо.

И я отвѣчу прямо, какъ мнѣ подсказываетъ совѣсть и все то, что я вижу кругомъ: да, Россія въ смертельной опасности, она близка къ смерти, и я не знаю, будетъ ли она еще жива черезъ мѣсяцъ, или погибнетъ. Не знаю! Хочу вѣрить, что будетъ жива, зову на помощь исторію и чудеса, всѣ силы свои собираю, чтобы вѣрить и не прійти въ отчаяніе и... не знаю, не знаю. Быть можетъ, моя рѣчь неумѣстна и все еще надо дѣлать веселое лицо при плохой игрѣ, но я не могу больше думать о тактѣ и корчить спокойствіе передъ постелью умирающаго. Конечно, противно, что могутъ подслушать германцы, но только противно, а не вредно: что имъ нужно знать, они и такъ знаютъ хорошо, гораздо лучше, чѣмъ это знаемъ мы. Наивные идеалисты, любопытные

простаки: требуемъ раскрытія какихъ-то тайныхъ договоровъ, будто что-нибудь сейчасъ зависитъ отъ договоровъ, будто смерть приходитъ по контракту, какъ артельщикъ, а за уголъ, гдѣ стоитъ она сама, и не желаемъ заглянуть!

Вотъ страшное, что я вижу.

Голодъ. Онъ надвигается неудержимо. Еле кормится армія, не имѣя никакихъ запасовъ. Лошади уже дохнутъ отъ недостатка фуража. Еле кормимся мы въ нашихъ городахъ. Сколько можетъ продлиться такое положеніе вещей? Никто не знаетъ. До новаго урожая еще долго, а пока... неизвѣстно что. Можетъ быть, еще протянемъ, а, можетъ быть, черезъ недѣлю уже ничего не будетъ, и голодная армія, бросивъ окопы, попретъ въ тылъ, стихійно разрушая все на своемъ пути. Безсильно виситъ въ воздухѣ всѣ нерѣшительныя мѣры Правительства и его воззванія къ народу. Темное, невѣжественное, недовѣрчивое крестьянство замкнулось и замкнуло хлѣбъ: оно опять не вѣритъ. Была минута въ первые дни революціи, когда какъ-будто дрогнуло оно и начало даже дарить какіе-то вагоны съ хлѣбомъ, но вотъ проходятъ дни и мѣсяцы, и оно снова не вѣритъ, оно снова ушло въ глубину своихъ темныхъ переживаній, въ потемки своекорыстія и страха, создаваемаго недовѣріемъ къ власти. Разница лишь въ томъ, что прежде оно не вѣрило одному Николаю II, а теперь не вѣритъ ни Временному Правительству, ни Совѣту Р. и С. Депутатовъ.

Какъ ему вѣрить Правительству, когда десятки газетъ ежедневно твердятъ: не вѣрьте Милюкову и его товарищамъ, они имперіалисты, буржуи, они себѣ на умѣ! Но что газеты: какъ можетъ далекій и темный народъ повѣрить Прави-

тельству, противъ котораго принимаются такія острыя мѣры, какъ недавнія демонстраціи? Мы то, петроградскіе, еще знаемъ, въ чемъ дѣло, а уже въ Москвѣ ходятъ сказки, а еще дальше—слухи... а во что превратились эти событія въ далекой деревнѣ? Въ какомъ чудовищномъ видѣ докатились они туда? Насколько преувеличена цифра убитыхъ? Какіе темные страхи и столь же темныя надежды разбужены въ этихъ замкнутыхъ людяхъ, отъ которыхъ зависитъ голодъ арміи и нашъ?

И какъ народу вѣрить непонятному и загадочному Совѣту, противъ котораго кричать другіе десятки газетъ, который не то власть, не то нѣтъ, который ведетъ какую-то свою „пролетарскую“ линію, который остерегаетъ относительно войны, сомнѣвается относительно займа („не давайте, пока мы не убѣдимся“...), то пускаетъ, то задерживаетъ солдатъ. Мы то, петроградскіе, довольно ясно понимаемъ тонкую разницу, какая отдѣляетъ „Извѣстія“ отъ „Правды“, Новую Жизнь“ отъ того и другого, одни поступки Совѣта отъ другихъ, Исполнительный комитетъ отъ Совѣта, меньшевиковъ-оборонoвцевъ отъ меньшевиковъ-антиоборонoвцевъ,— а въ какомъ видѣ это докатывается до далекой Россіи?

Одно видно: что паны дерутся. А когда паны дерутся, то у мужика чубы трещатъ; а когда чубы трещатъ, то средство остается одно и испытанное: никому не вѣрить, схорониться, запрятаться и закопать въ землю нѣкую кубышку — будутъ ли это деньги или хлѣбъ. Когда завтрашній день теменъ, то нынче не раскошелишься, мы сами, понимающіе и взывающіе, если намъ пофартило черезъ знакомого или про-

текцію добыть запасецъ сахару или муки — охотно ли отдадимъ половину его... хотя бы на ту же армію?

А какъ отражаются тамъ эти наши разговоры о мирѣ „безъ аннексій и контрибуцій“, эти наши раскольничьи, по съ оружіемъ, дебаты о двухъ недостающихъ или не такъ сказанныхъ словахъ въ „знаменитой“ нотѣ Милюкова? Они не понимаютъ, вѣдь, что это только теоретическіе споры и что „война должна итти само по себѣ, и никто изъ людей непосредственныхъ, не привыкшихъ къ безвредному употребленію теорій, не пойметъ, какъ можно въ переполненнымъ театрѣ теоретически разсуждать о пожарѣ, въ набитой людьми церкви теоретически пробовать панику. И какъ имъ представляются эти двойственные крики: давайте хлѣба для арміи и войны, а съ другой—безконечные разговоры о какой-то мирной „конференціи“ въ Стокгольмѣ, партійныя требованія немедленнаго мира? Кому вѣрить? За что стоять; за миръ или войну? А паны все дерутся, а чубы все трещатъ...

Второе страшное, что я вижу: это разложеніе арміи. Тутъ въ словахъ приходится быть осторожнѣе: какъ же, военная тайна!.. хотя никто опять-таки не знаетъ ее такъ хорошо, какъ тѣ же нѣмцы, и ни кто такъ не пользуется ею, какъ они. Но смягчимъ краски и умолчимъ о нѣкоторыхъ фактахъ. Но, и смягчая и умалчивая, мы не можемъ не видѣть и не знать, что съ каждымъ днемъ армія разлагается все больше и что если такъ продолжится и дальше—близокъ день, когда у насъ просто не будетъ никакой арміи. Просто—никакой. Если ужъ сейчасъ армія кашеобразномъ состояніи по выраженію одного авторитета, то съ каждымъ часомъ каша эта становится

все жиже. А причины разложенія? Все тѣ же: отсутствіе единой власти и недовѣріе къ существующимъ правительствамъ, всѣ эти двойственные приказы за номерами, двойныя присяги, двойныя приказы и распоряженія, толки о мирѣ. Если во всякомъ углѣ двѣ линіи, сходясь у вершины, въ продолженіи своемъ расходятся въ безконечность, такъ и эти разногласія между Правительствомъ и Совѣтомъ :здѣсь они малы и какъ будто примиримы (есть даже цѣлая контактная комиссія, чтобы примирять и соглашать), но тамъ, въ арміи, они огромны и всю ее пронизываютъ началомъ двойственнымъ и противорѣчивымъ.

И солдаты уже не вѣрять не только офицерамъ, но и своимъ солдатскимъ комитетамъ съ ихъ, конечно, случайнымъ большинствомъ, и отсюда разной линіей поведенія; и потерявшіеся, безсильные, впавшие въ отчаяніе офицеры думаютъ уже не о войнѣ и наступленіи, а только о томъ, какъ бы удержать отъ послѣдняго разброда эту шумящую митинговую массу, останавливающуюся на важномъ пути въ предѣлахъ боевой зоны, чтобы отпраздновать первое мая, или обмѣняться мнѣніями по поводу Милюкова и „мира безъ аннексій“. А эти „аннексіи“? Если даже умные большевики, сколько ни объяснялъ имъ Плехановъ, не въ состояніи отличитъ обороны страны отъ обороны стратегической, то чего требовать отъ солдата, искренне убѣжденнаго, стояніе на мѣстѣ и есть оборона? Вы представляете, что изъ этого получается? Такъ онъ и стоитъ и будетъ стоять, пока не побѣдитъ передъ стремительнымъ, ураганнымъ, желѣзнымъ натискомъ германцевъ.

А самое слово „миръ“? Если даже въ тылу оно способно раздвоить, разорвать

всякую непосредственную душу, то, брошенное въ сердцевину утомленной арміи, оно подобно искрѣ въ пороховомъ погребѣ. О, какъ утомленны, какъ устали наши солдаты! Позади ихъ трехлѣтняя безрадостная, унылая война почти безъ просвѣта; лживое самодержавіе съ „Верховнымъ вождемъ“, у котораго въ одной рукѣ пресловутый мечъ, а въ другой, на всякій случай, какъ запасная карта у шуллера, сепаратный миръ, дурное командованіе, корыстные, честолюбивые генералы, Мясоѣдовы, постоянные слухи и разговоры о предательствѣ, измѣнахъ... Душа устала отъ этой мерзости! А тутъ—миръ, быть можетъ близкій, не даромъ же такъ горячо говорятъ о немъ и уже ставятъ какія-то условія. И кому охота подставлять себя подъ пули, тратить свою драгоцѣнную и единую жизнь, когда, быть можетъ, завтра же придетъ онъ, этотъ желанный миръ, и принесетъ всѣ дары свои,—умирать, когда Россія стала свободной,—умирать, когда такъ хочется жить!

Къ войнѣ нужна воля, для мира достаточно и одного безволія. И сколько нужно силы духа у нашего солдата, патріотизма, самоотреченія, высокаго разума, прозрѣвающаго дали, чтобы при такихъ условіяхъ еще желать войны, еще стремиться къ ней! И онъ есть, этотъ титаническій духъ народа, духъ мужества и чести; имъ полно все наше мученическое низшее офицерство, имъ дышатъ отдѣльныя части войскъ, онъ божественнымъ огнемъ надежды вспыхиваетъ въ отдѣльныхъ „резолюціяхъ“, горитъ надъ штыками революціонныхъ преображенцевъ, съ музыкой уходящихъ на фронтъ. Но остальные, для кого пишутся эти зазывныя резолюціи, эта темная и смутная масса колеблющихся,

лишкомъ усталыхъ, малодушныхъ и попросту дурныхъ?

Ни для одного народа не стыдно, что лучшихъ въ немъ меньшинство, а большинство слабо и нерѣшительно. И для русской арміи не стыдно, что за избраннымъ меньшинствомъ солдатъ, на коихъ почіетъ духъ мужества и силы, стоитъ сѣрая стѣна безличія, почти одинаково готоваго какъ на подвигъ, такъ и на измѣну. Увлекаемые первыми, сегодня они лѣзутъ въ атаку, а завтра, при отступленіи, устраиваютъ панику. Это еще лучше, но есть же и просто плохіе,—и въ этомъ опять-таки не стыдно сознаться—тѣ, которые скрываются въ обозахъ, мечтаютъ о побѣгѣ и бѣгутъ, прячутся за бугорки, при наступленіи скопомъ сдаются въ плѣнъ. Это они—передатчики всякихъ смутныхъ и пугающихъ слуховъ, это они боятся всякаго куста, и при случайномъ выстрѣлѣ въ тылу первые кричатъ: „обошли"! и разсыпаются, какъ воробьи.

И какъ на этихъ должно дѣйствовать всякое сомнѣніе въ необходимости войны, всякое, хотя бы самое отдаленное, самое теоретическое оправданіе немедленнаго мира?

И отсюда перехожу къ самому тяжелому вопросу—это о нашихъ союзникахъ. Онъ мучителенъ и тяжелъ, онъ страшнѣе, нежели голодъ, нежели наша внутренняя разруха, она гнететъ сознаніе и совѣсть, ибо мы—на границѣ измѣны, мы почти уже измѣнили нашимъ друзьямъ и союзникамъ. То, что происходитъ на нашемъ фронтѣ есть фактическій сепаратный миръ съ Германіей, это необходимо понять и откровенно сознать. Сепаратный миръ, къ которому издавна стремился Вильгельмъ, который составляетъ мечту и цѣль всѣхъ

нашихъ предателей, который угрозой несмываемаго стыда стоялъ надъ головой каждаго изъ насъ,—нынѣ осуществляется свободной Россіей!

На фронтѣ затишье. Поютъ жаворонки. Ружья и пушки молчатъ, а когда и попробуютъ заговорить пушки, то... и скоро умолкаютъ. „Товарищи пѣхотенцы! — пишутъ нѣмцы, — повидимому, ваши товарищи артиллиристы еще не знаютъ, что не надо стрѣлять; предупредите ихъ, а то и мы будемъ вынуждены стрѣлять, и вы можете получить тяжелыя раненія“... и пушки умолкаютъ. Мы ходимъ въ гости и пьемъ нѣмецкое вино и кофе. Угощаемъ и сами. Цѣлуемся — и нѣмцы весьма охотно, даже слишкомъ охотно подставляютъ губы; и пока мы цѣлуемъ одного нѣмца, два другихъ нѣмца отправляются убивать англичанъ и французовъ. Тѣхъ самыхъ англичанъ и французовъ, которые поспѣшили своимъ наступленіемъ, чтобы дать намъ перестроиться на новый революціонный строй; тѣхъ самыхъ англичанъ, которые тысячами своихъ смертей, быть можетъ, отвратили отъ насъ немедленный и сокрушительный ударъ германцевъ. Вѣдь недаромъ былъ Стоходъ, недаромъ шли какія-то приготовленія!

Теперь, на нѣкоторое время, наступленіе германцевъ намъ не грозитъ. Во первыхъ, и трудно, когда французы и англичане висятъ на шеѣ, а во вторыхъ, зачѣмъ наступать? Зачѣмъ чистить снѣгъ, который подъ весеннимъ солнцемъ таетъ самъ? Лучше каждый день отправлять на французскій фронтъ „резервы“ (обратите вниманіе въ телеграммахъ на эти таинственные ежедневные „резервы“), а на русскомъ оставить нѣсколько тысячъ для легкой стрѣльбы, чтобы похоже было на войну, да нѣ-

сколько тысячъ для поцѣлуевъ. Это средство недорогое и экономное, запасъ его въ Германіи еще не тронутъ и, если установить строгое чередованіе ротъ и батальоновъ для попѣлуевъ, чтобы не пухли губы, то можно сдѣлать недурную поцѣлуйную кампанію. И я вижу высокомѣрнаго брезгливаго нѣмецкаго лейтенанта, который снаряжаетъ очередную „поцѣлуйную команду" и снабжаетъ ее средствами для дезинфекціи рта...

Это называется—„братаніе", то самое, которое такъ горячо рекомендуется и чуть ли не приказывается нашими лѣвѣйшими пацифистами и гражданами міра. Конечно, тамъ есть и искренность, но что мнѣ до искренности одного Ганса, когда два другихъ за его спиной бьютъ англичанина! И сколько на одного искренняго Ганса, охотно и даже сентиментально выполняющаго поцѣлуйный обрядъ, другихъ Гансовъ, не столь сентиментальныхъ? Одна петроградская газета, напечатавъ нѣсколько избранныхъ нѣмецкихъ прокламацій, раздаваемыхъ на фронтѣ, путемъ строгаго психилогическаго анализа установила ихъ несомнѣнную чистосердечность и сказала: а что? Вотъ то-то! Честнѣйшіе люди!

Но о двухъ вещахъ не задумалась газета: откуда на нѣмецкомъ фронтѣ русскій шрифтъ и подпольныя типографіи для изображенія этихъ чистосердечныхъ призывовъ? Я говорю „подпольныя", ибо иначе гдѣ же печатаются эти изліянія,—въ германскомъ штабѣ? И о другомъ не подумала проницательная газета: возможно ли, при наличіи свирѣпой нѣмецкой дисциплины и соотвѣтствующаго офицерства, самостоятельное и добровольное шатаніе нѣмецкихъ солдатъ на нашъ фронтъ? Они ходятъ только потому, что имъ позволяютъ, и по-

зволяютъ имъ по той же причинѣ, по какой печатаютъ для нихъ и прокламаціи: потому, что это нужно Гинденбургу, потому что это необходимо —сдѣлать русскую армію пассивной.

Ибо уже нѣтъ силы у Германіи драться на два фронта. Ибо возстань русская армія отъ одра своей болѣзни, неохоты и усталости, сплотись вся для единаго удара,—и германцы оказываются между молотомъ и наковальней, и ихъ армія разбита, и конецъ проклятой войнѣ, и конецъ горделивымъ мечтамъ о Германіи, которая „выше всего", и жаднымъ расчетамъ на чужую землю, потъ и трудъ.

Но на фронтѣ затишье. Поютъ жаворонки. Сладко звучатъ братскіе поцѣлуи повзводно. Смертельно тоскуютъ Сербія и Бельгія на своихъ развалинахъ. И съ мрачной тревогой, съ суровымъ лицомъ людей, сознающихъ значеніе долга, смотрятъ союзники на тѣхъ, кто готовъ измѣнить... кто уже измѣнилъ почти. И ждутъ. А что будетъ, когда они перестанутъ ждать, объ этомъ слишкомъ тяжело говорить. И это знаютъ всѣ. Это гибель Россіи.

Смотрю я дальше на то, что вокругъ, и все новыя и новыя встаютъ опасности: не въ добрый, видно, часъ родилась наша русская свобода, юная невѣста въ бѣлыхъ цвѣтахъ... не погибнуть бы ей на порогѣ къ брачному торжеству!

Финансовый крахъ. Каждый день мы печатаемъ по 30 милліоновъ рублей „на расходы", а денегъ все нѣтъ; и чѣмъ шире развивается финансовое издательство, тѣмъ глубже падаетъ въ яму банкротства нашъ презираемый рубль. Вотъ уже и нашъ „уважаемый сосѣдъ" Финляндія—на совершенно законномъ основаніи!—отказывается принимать эту красивую чистенькую бумажку, а скоро от-

кажутся принимать ее и лавочники: кому она нужна! А заемъ Свободы... какая горькая иронія, какая насмѣшка надъ свободой этотъ заемъ „свободы"! Мечтатели полагали, что такъ и кинется на него свободная, революціонная Россія, весь этотъ народъ, впервые почувствовавшій себя хозяиномъ своей семьи и своихъ денегъ, отбою не будетъ отъ подписки; и сразу пріободрится унылый рубль, и поднимется кредитъ и подешевѣетъ жизнь—а что вышло? Америка подписывается, Гинсбурги подписываются, еврейскія общества сколачиваютъ денегъ для подписки дохлый интеллигентъ демонстративо тащитъ свой „гонораръ"—а народъ а революціонная демократія отворачиваетъ лицо свое отъ „займа неволи" и еле-еле, послѣ долгихъ колебаній и споровъ, соглашается великодушно допустить его, какъ она допускаетъ и „кровавую бойню", и облагодѣтельствовать Россію.

Но, и допустивъ, не перестаетъ спорить и возглашать. Та же газета, что восхищалась искренностью нѣмецкихъ прокламацій, еще вчера только одобрила финляндскихъ с.-д., которые остерегаюся поддерживать заемъ... да и одна ли эта газета! И чего же при этихъ условіяхъ мы можемъ ждать отъ займа, заранѣе опороченнаго, взятаго подъ подозрѣніе, какъ темная личность, изъ дѣла народа превращеннаго въ забаву партій, изъ тяжкой заботы—въ арену высокоумія и революціоннаго ханжества. Прекраснодушное Временное Правительство!—оно думало быть Мининымъ на площади, а его сдѣлали сборщикомъ съ кружкой, на которой весьма подозрительная печать: то ли „безъ аннексій" то ли—вставайте, батальоны!—съ аннексіей и даже Цареградомъ!

Но этого мало: битаго надо добивать. И вотъ, раздираемое недовѣріемъ и старыми счетами, увлекаемое, какъ песчинка, ихъ странной центробѣжной силой,—все живое въ Россіи стремится къ разъединенію: классъ отъ класса, союзъ отъ союза, партія отъ партіи, человѣкъ отъ человѣка, городъ отъ города, уѣздъ отъ уѣзда, провинція отъ провинціи. Одинъ уѣздный комитетъ, имѣя овесъ, отказываетъ въ сѣменахъ другому уѣзду, и яровыя поля остаются необсѣмененными. Въ другихъ уѣздахъ мѣстные комитеты объявили упраздненной частную собственность, захватили землю (къ чему непрерывно и настойчиво зоветъ большевистская „Правда"), конфисковали инвентарь, сѣмена, скотъ. Племенной скотъ продавали на убой, инвентарь и сѣмена подѣлили. Обсѣменить всѣ поля не сумѣли, не хватило силъ, и нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ осталось безъ обработки. И т. д., и т. д. Встаютъ дикіе кошмары республики кронштадтской, республики шлиссельбургской, иркутской. Енисейскій совѣтъ р. и с. депутатовъ только „черезъ свои трупы" допуститъ назначенныхъ Правительствомъ чиновниковъ. Каждый Иванъ самъ о себѣ, каждая дюжина Ивановъ,—уже Вандея!

А дальше... рѣшительно и рѣзко отмежевывается Финляндія, для которой мы отнынѣ „уважаемый сосѣдъ" („уважаемый" только для приличія). О чемъ то большемъ, нежели автономія, говоритъ Украина. Странно смотритъ Сибирь... Кто еще? Кому еще такъ ненавистна Россія, что ни одной минуты не хочетъ быть вмѣстѣ, требуетъ развода— отъ умирающей? Идите и бейте, рвите на клочья немощную дуру, тащите ключи изъ—подъ подушки, тащите все, что

можно. Возвеселитесь, мародеры, скупщики краденаго, обиратели труповъ, честные недотепы, революцiонныя ханжи и двоеперстники!

Чего ее жалѣть, когда она сама себя не жалѣетъ! Чего ее хранить и навязывать ей какое то спасенiе, когда она сама себя не ранитъ и слѣпо лѣзетъ въ могилу, сама себѣ на тысячу голосовъ поетъ отходную!

Продолжайте дѣлать, что дѣлаете, Вы, господа Временное Правительство, трагически заявляйте, что „безъ власти нѣтъ отвѣтственности" и, ставъ на перепутьи съ протянутой рукой, умоляйте прохожаго, чтобы онъ далъ вамъ на копѣйку власти... на копѣечку Христа ради! Вы, господа Совѣтъ и Исполнительный Комитетъ—глазъ не сводите съ Временнаго Правительства, слѣдите день и ночь за этими буржуями, вчитывайтесь внимательнѣе въ каждое постановленiе—обманутъ! въ каждый приказъ Гучкова—солжетъ! Вы, партiи, разчленяйтесь и множьтесь, дѣлитесь на фракцiи и полфракцiи, бережно и твердо храните малѣйшей оттѣночекъ краски, какъ попугай свое перо—и ненавидьте другъ друга, пожалуйста! Вы, солдаты, не довѣряйте офицерамъ—они всѣ измѣнники! Не слушайтесь генераловъ—они всѣ предатели! И побольше, погорячее цѣлуйтесь съ честными нѣмцами! Вы, русскiе соцiалъ-демократы, почтительнѣе цѣлуйте туфлю у непогрѣшимой соцiалъ-демократiи нѣмецкой и побольше, побольше, побольше презирайте товарищей французскихъ и англiйскихъ: у всѣхъ у нихъ подложныя паспорта, у всѣхъ накладныя бороды и парики! Вы же, буржуи, скорѣе бѣгите въ Крымъ и на Кавказъ, а если не достали билета—закройте ставни, потушите свѣтъ—

и трепещите! Нѣмецъ идетъ! Голодъ идетъ!

... Я никого не обвиняю. Да и кого обвинять, кого да всѣ виноваты? Кого карать, когда всѣ преступны? Если сбудется то, чего я такъ смертельно страшусь—достаточно останется на нашу голову и обвинителей и палачей: до седьмого колѣна не испить намъ ту чашу презрѣнія, какую поднесетъ намъ обманутый и возмущенный міръ. Однимъ ли союзникамъ мы измѣняемъ? Нѣтъ—нѣтъ, мы измѣняемъ революціи, ея великое имя мы бросаемъ въ грязь нашихъ раздоровъ и малодушія. Какъ мечту, встрѣтилъ міръ русскую революцію... и какъ хороши были ея первые шаги—а что онъ будетъ думать потомъ, когда все сказанное свершится? Какимъ насмѣшкамъ подвергнется Брутъ, если только не заколется въ отчаяніи, какимъ торжествомъ загорятся глаза всесвѣтной реакціи: мы говорили, что не надо революціи! Вотъ она, ваша революція!

Утверждаютъ, что революціи заразительны, и Церетели въ думской рѣчи выразилъ счастливую увѣренность, что наша революція перекинется и на Европу. Я и самъ такъ мечталъ еще недавно, а теперь думаю: такъ ли? Есть зараза и зараза, и кто пожелаетъ заразиться отъ прокаженнаго, какимъ становится въ малодушіи нашемъ великая и честная революція? Бредетъ онъ, это средневѣковое пугало, по лѣснымъ тропинкамъ въ своемъ прижизненномъ саванѣ, позвякиваетъ своимъ колокольчикомъ—и въ ужасѣ сторонится отъ него случайный встрѣчный!..

И когда весь міръ проклянетъ „измѣнническую Россію", я не прокляну ее. Какъ я могу проклясть свою мать? Буду

съ ней влачить ея горькое существованіе и только одно буду думать: несчастный мы народъ, несчастный мы народъ!

А можетъ быть... и дѣйствительно не надо никакой Россіи? Быть можетъ, это просто устарѣлый терминъ, который время упразднить? Жизнь неистребима. Не будетъ „Россіи"—будетъ другое, и „угробового входа младая будетъ жизнь играть". Не все ли равно, въ концѣ концовъ, чья это жизнь: русская или младая нѣмецкая, главное, что жизнь останется, и поля останутся, и рѣки останутся; а чей пойдетъ по рѣкамъ пароходъ—русскій или нѣмецкій—не все ли равно? Нѣмецкій пароходъ даже удобнѣе. И народъ же не весь пропадетъ: сразу не истребить сто милліоновъ Васильевъ и Петровъ. Приспособятся рябята!

Что же, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не надо никакой Россіи?

Я знаю, что эти искреннія строки во многихъ вызовутъ неудовольствіе и даже возмущеніе. Кто-то захихикаетъ, кто-то крикнетъ буржуй, кто-то, натасканный въ полемикѣ, ехидно навертитъ кучу цитатъ, какъ шашлыкъ на вертелъ, по вкусу своего потребителя и посрамитъ меня. Кто-то другой съ негодованіемъ замѣтитъ, что я слишкомъ мрачно сгущаю краски, кто-то еще горько упрекнетъ, что я не оставляю надеждъ... какъ будто онъ самъ не знаетъ, въ чемъ надежды, какъ будто мало его звали и силкомъ не тащили съ позорнаго одра!

Но это не смущаетъ меня: пусть бьютъ справа и слѣва. Россію долго били справа, а теперь, перевернувъ на другой бокъ, добиваютъ слѣва; и если я также удостоюсь побоевъ, это только сблизитъ меня съ Россіей.

Единственно, чего я хочу.

Цѣна 20 коп.

